

Преп. Анастасія Синаита. Изъ слова объ образѣ Божиѣмъ ¹⁾.

(Отрывокъ).

Не одинъ какой-нибудь образъ и подобіе имѣеть въ себѣ (человѣкъ), но и другой, и третій, и четвертый, и пятый, подлинно изображая, какъ-бы въ какомъ-нибудь зеркалѣ или естественной, а не символической картинѣ, таинство Трѣипостаснаго Божества, — и не одно только это, но ясно предначертывая и вочеловѣченіе Единаго изъ сей самой Троицы, Бога—Слова. По образу чистаго (τῆς γυμνῆς) Божества является, пожалуй, сама по себѣ душа (γυμνῆ ἢ ψυχῆ), по подобію же воплощенія Слова—соединеніе нашей души и тѣла. Но воз-

¹⁾ Преп. Анастасію Синаиту (VII в.) принадлежать нѣсколько словъ объ образѣ Божиѣмъ. Первое изъ нихъ подъ именемъ Григорія Нисскаго помѣщено среди его твореній. См. MPG. t. 44, col. 1327. Печатаемый здѣсь первый отрывокъ представляетъ, очевидно, часть второго слова. Далѣе предлагается здѣсь въ переводѣ третье слово почти полностью (безъ конца только). Вслѣдъ за нимъ помѣщенъ еще одинъ отрывокъ—неизвѣстно, изъ какого слова.

Настоящій отрывокъ, представляющій переводъ съ греческаго (MPG. t. 89, coll. 1144—1150), подписанъ именемъ Анастасія, патріарха Антиохійскаго. Но отъ послѣдняго не сохранилось словъ объ образѣ Божиѣмъ. Содержаніе этого отрывка весьма близко подходитъ къ дальнѣйшему 3-му слову, въ которомъ Анастасій Синаитъ, ссылаясь на предыдущія слова свои объ образѣ (см. *ibid.* col. 1160 CD), не только высказываетъ аналогичныя мысли и проводитъ одинъ и тотъ же основной предметъ содержанія (стремясь доказать отоображеніе въ человѣкѣ, какъ образѣ Божиѣмъ, двухъ естествъ Христа, двухъ волю и двухъ дѣйствованій), но и буквально приводитъ выдержку изъ настоящаго перваго отрывка (*ibid.* coll. 1161 C—1164 AB; ср. coll. 1148 D—1149 ABC). Отсюда ясно, что авторомъ этого отрывка является также Анастасій пресвитерь—Синаитъ.

вратимся лучше снова къ самому началу рѣчи, откуда, какъ бы изъ какого источника, прежде всего изслѣдуемъ, почему не создалъ Богъ личности (ипостаси) нашихъ прародителей и родоначальниковъ, т.-е. Адама и Евы и рожденного отъ нихъ сына, по примѣру остальныхъ разумныхъ существъ, т.-е. ангеловъ, или же, наоборотъ, одинаковыми съ одушевленными животными, но Адама создалъ безвиновно (*ἀναίτιος*)¹⁾ и нерожденно, слѣдующаго же за нимъ человѣка—сына рожденнымъ; Еву же привелъ въ бытіе ни рожденно, ни опять безвиновно, но чрезъ взятіе или производно, какъ происшедшую изъ существа безвиновнаго (*ἀναίτιου*) Адама. И не эти-ли три родоначальныя главы, единосущныя всему человѣческому роду, являются, какъ думаетъ и Меѳодій, нѣкоторымъ символическимъ образомъ Святой и Единосущной Троицы? Именно — безвиновный и нерожденный Адамъ является символомъ и образомъ безвиновнаго и всевиновнаго Вседержителя Бога и Отца; рожденный отъ него сынъ предначертываетъ образъ рожденного Сына и Слова Божія; происшедшая же Ева изображаетъ исходящую Ипостась Святаго Духа. Посему не вдунулъ въ нее Богъ дыханіе жизни, потому что она есть образъ Святаго Духа, Который есть дыханіе и жизнь, и потому, что она имѣла принять въ себя, чрезъ Святаго Духа, Бога — истинно сущее дыханіе и жизнь всѣхъ²⁾. Отсюда можно видѣть и удивляться, почему нерожденный Адамъ не имѣетъ среди людей подобнаго себѣ, другого нерожденного или безвиновнаго, равно какъ и происшедшая Ева, какъ истинные образы нерожденного Отца и Святаго Духа. Рожденный же отъ нихъ сынъ имѣлъ всѣхъ людей, какъ рожденныхъ сыновъ, подобными себѣ братьями, такъ какъ онъ былъ по образу и символическому подобію Христа, рожденного Сына, Который сталъ человѣкомъ, перворожденнымъ безъ сѣмени во многихъ братіяхъ. Если же не такъ и не въ этомъ смыслѣ нужно понимать образъ (по образу), то поче-

1) Безвиновно употреблено здѣсь не въ смыслѣ безвиново, но—безпричинно. Безвиновно и безвиновный—это славянскіе термины, которые принято употреблять по отношенію къ первой Ипостаси св. Троицы. А такъ какъ Адамъ, по мысли преп. Анастасія, является образомъ Бога Отца, то мы и удержали эти термины.

2) Т. е. въ данномъ случаѣ она—первая жена была образомъ Св. Дѣвы Маріи.

му же нѣкогда произошло не четыре, двѣ или больше личностей (ипостасей) прародителей, имѣющихъ, каждая въ отдѣльности, свои личныя отличительныя особенности — разумію: нерожденность, рожденность и исхожденіе, но только три и [по тѣсной связи] единыя? Итакъ, въ трехъ ипостасяхъ (прародителей) ты имѣешь по образу и подобию символическую Троицу въ единицѣ.

Слѣдуетъ тебѣ знать и единство въ Троицѣ. А чтобы ты ясно могъ уразумѣть это, послушай одного изъ мудрецовъ, убѣждающаго тебя и говорящаго: если желаешь познать Бога, прежде познай себя самого, изъ собственнаго твоего — говорить — строенія, изъ собственнаго твоего состава, изъ того, что внутри тебя самого; углубись въ себя самого; пристально взгляди, какъ-бы въ нѣкоторое зеркало, въ собственную душу; размотри ея строеніе, и ты увидишь себя самого созданнымъ по образу и подобию Божію. Вѣдь сущность души твоей неизъяснима, невѣдома, духовна и бессмертна по образу и символическому подобию неизъяснимаго, невѣдомаго и бессмертнаго Бога. Въ самомъ дѣлѣ, ни существа Бога, ни существа разумной души не позналъ никто изъ жившихъ въ (семь) вѣкѣ людей. Животворящая, связующая и промыслительная душа управляетъ природою четырехъ стихійнаго тѣла, во образъ Бога, Промыслителя всей твари, сущей на четырехъ концахъ земли и горѣ. Поэтому мы не знаемъ, въ какомъ мѣстѣ обитаетъ Богъ, но только вѣруемъ, что Онъ на всякомъ (мѣстѣ). [Равнымъ образомъ] мы не знаемъ, гдѣ обитаетъ въ тѣлѣ душа, но только знаемъ, что въ пресвятомъ тѣлѣ она существуетъ и дѣйствуетъ ¹⁾.

Душа твоя имѣетъ и (нѣчто) иное по образу Божію. И разумію иносущность ея всей тварной природѣ. Но что удивительнѣе всего изъ того, что есть въ насъ по образу, такъ это то, что человѣческій умъ не въ состояніи ни опровергнуть (*καταβέβαι*) доказательствъ (*τοὺς λόγους*) бытія Божія, ни [объяснить] нашей психической сущности, какимъ образомъ она возникла и пришла въ бытіе. Но перейдемъ къ важнѣйшему [въ вопросѣ] объ образѣ и подобіи, дабы показать, согласно обѣщанію, единичность Божества въ Троицѣ. Какова она — это очевидно опять изъ того, что есть наша душа, и

¹⁾ Разумѣется, очевидно, тѣло Христа.

ея разумное слово, и мысль (*ὁ νοῦς*), которую Апостоль назвалъ духомъ, когда увѣщаваетъ насъ быть святыми душею, и тѣломъ, и духомъ (1 Сол. 5, 23). Въ самомъ дѣлѣ, какъ нерожденная и безвиновная (*ἀγαπίος*), душа подлинно есть образъ нерожденнаго и безвиновнаго Бога и Отца, такъ и не рожденное разумное ея слово, отъ нея раждаемое неизреченно и невидимо, неизъяснимо и безстрастно, является образомъ рожденнаго Сына. Мысль же—ни безвиновна, ни рожденна, но она исходящая, всюду проникаетъ и все назираетъ, и невидимо осязаетъ, по образу и подобію Всесвятаго и исходящаго Духа, о Которомъ сказано, что „Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія“ (1 Кор. 2, 10). Душа не является исходящей, до тѣхъ поръ пока она находится въ тѣлѣ; иначе если бы она исходила, то мы въ тотъ же моментъ умирали-бы. И слово наше не есть нерожденное, иначе мы были бы бессловесными и скотоподобными¹⁾. Удивительнѣе же всѣхъ этихъ дивностей то, что мы имѣемъ душу, какъ нѣчто простое, равно и мысль единичную и несложную, слово же двойственное, имѣющее двойное рожденіе, но сохраняющееся единымъ и нераздѣльнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, слово рождается въ сердцѣ нѣкоторымъ непостижимымъ, безтѣлеснымъ рожденіемъ и остается внутри невѣдомымъ; раждается и вторымъ рожденіемъ, тѣлеснымъ — чрезъ уста, и тогда всѣми познается, не отдѣляясь однако отъ родившей его души, дабы чрезъ два рожденія нашего слова мы ясно уразумѣли, по нѣкоторому образу и подобію, два рожденія Бога—Слова. Ибо Оно рождено невидимо и неизъяснимо, прежде вѣковъ отъ Отца, и оставалось невѣдомымъ у Отца, какъ-бы въ какой душѣ, до тѣхъ поръ пока, какъ бы изъ нѣкоего сердца, непорочно и безболѣзненно не родилось отъ Дѣвы по плоти и не явилось намъ тѣлесно чрезъ второе рожденіе.

Усматривается также, какъ бы въ какомъ образѣ и символѣ, въ человѣкѣ, говорю, и нѣкоторое двойное отображеніе дѣйствования (энергіи) во образъ и символъ (дѣйствованій) Христа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Божество Его, будучи дѣятельно, дѣйствовало и богомужно (*θεανδρικῶς*) и (только) божески (*θεϊκῶς*) на небѣ, прежде образованія тѣла, какъ безпредѣльное и неограниченное тѣломъ; такъ точно и душа, будучи

¹⁾ Т. е. если бы въ душѣ нашей не рождалось слово.

по образу и подобію невидимаго Бога—Слова, дѣйствуетъ, съ одной стороны, душемужно (*ψυχαρρητός*), т.-е. душевно-тѣлесно, во образъ богомужно-дѣйствующаго Христа. Съ другой стороны, въ весьма многихъ случаяхъ она дѣйствуетъ и душевно только, безъ содѣйствія ей со стороны ея обитающаго тѣла, во образъ невидимаго Бога—Слова, много невидимо совершившаго и совершающаго на небѣ и на землѣ, чрезъ неограниченное Его и всемірное божественное дѣйствование. Такъ, любовь къ Богу осуществляется чрезъ одно только душевное дѣйствование, не нуждаясь для этого въ содѣйствіи тѣла; подобнымъ образомъ и вѣра есть показатель одной только психической энергіи; точно также и надежда совершается одною только психическою энергіей; равно какъ и смиренномудріе дѣйствуется и поддерживается чрезъ энергію души. И вообще говоря, всѣ необходимыя [для спасенія] духовныя добродѣтели, корень и основаніе которыхъ есть чистота сердца, совершаются при помощи одной только духовной энергіи нашей разумной души, не нуждаясь для своего выполненія въ тѣлѣ. Поэтому и увѣчные, и больные, и неподвижные тѣломъ чрезъ эти добродѣтели, посредствомъ душевнаго дѣйствования, могутъ благоугодить Богу. Двойственность нашей энергіи въ особенности обнаруживается у насъ во снѣ. Ибо въ то время, какъ тѣлесныя чувства какъ бы замираютъ и почти бездѣйствуютъ, духовная и разумная энергія души обходитъ все неусыпно и неумолчно. Иначе какимъ образомъ, отдѣлившись отъ тѣла во время смерти, разумная душа продолжаетъ существовать, какъ не чрезъ свою духовную, жизненную и вѣчно живую энергію?

Все боговдохновенное Писаніе, и евангельское и апостольское ученіе говорятъ, что Богъ, все наполняющій, пребываетъ на небесахъ. Посему мы знаемъ, что оттуда сошелъ (на землю) Богъ—Слово, и вѣруемъ, что и опять Онъ восшелъ на небеса съ плотію. Итакъ, если вверху (на небесахъ) есть божественный Свѣтъ, Отецъ нашъ небесный, и вверху Богъ—Слово, Свѣтъ отъ Свѣта, и вверху же въ вышнихъ и Духъ Святой; то, безъ сомнѣнія, по образу сей высочайшей Святой Троицы и мы въ болѣе возвышенномъ мѣстѣ имѣемъ весь свѣтъ тѣла, и слово, и дыханіе поздрей, смежно и совокупно соединенные въ нашей головѣ, и оттуда, какъ-бы

изъ нѣкоего высокаго неба, эта тройственная полнота управляетъ и освѣщаетъ міръ тѣла.

Анастасія пресвитера на горѣ Синаѣ слово 3-е ¹⁾.

Въ этомъ словѣ составитель объясняетъ поводъ, по которому имъ составлены два слова объ образѣ. Выясняетъ также и причину, откуда ведетъ начало движеніе о дѣйствованияхъ и воляхъ (во Христѣ). Затѣмъ по порядку показываетъ, кто благочестиво и кто неправо учитъ о нихъ во Христѣ.

Благоразумные врачи и опытомъ умудренные знатоки, стремясь къ (пріобрѣтенію) ерапевтическихъ познаній, не прежде примѣняютъ свои противоядныя средства, пока, по изслѣдованіи, не изучатъ ближайшихъ и коренныхъ причинъ (болѣзней). Таковымъ же, конечно, образомъ и желающіе основательно и легко истребить и искоренить губительные и тлетворные недуги ересей должны прежде поколебать коренныя и какъ-бы фундаментальныя устои ихъ, и разоблачивъ и основательно опровергнувъ ихъ, тогда уже, какъ весьма хорошо изслѣдовавшіе (ихъ), они легко и весьма хорошо могутъ и лѣчить ихъ.

„Не суть рѣчи ихъ, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ, но во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ“ (Пс. 18, 4—5),—я говорю о тѣхъ военныхъ отрядахъ, Персидскихъ и Римскихъ войскахъ, когда побѣдное знаменіе креста, при помощи Божіей, возвращено было съ царемъ Иракліемъ въ Іерусалимъ. Этотъ именно скиптроносецъ Римскаго въ то время царства Ираклій, совершая походъ во внутреннія страны Халдеевъ и Персовъ, по направленію къ Антиохійскому городу, встрѣтился съ нѣкимъ Аванасіемъ, глаголемымъ патріархомъ ненавистной Яковитской іерархіи, человѣкомъ искуснымъ въ рѣчахъ и коварнымъ по природному лукавству Сирійцевъ. Царь, обратившись къ нему съ рѣчью о вѣрѣ въ два естества во Христѣ, обѣщаль, что если онъ согласится съ нимъ и приметъ св. Халкидонскій соборъ, то поставитъ его патріархомъ тамошней святой католической Церкви. Итакъ, по притворству или по другому какому соображенію Аванасій принялъ со-

¹⁾ Переводъ съ греческаго MPG. т. 89, coll. 1152—1180.

боръ, исповѣдавъ во Христѣ два соединенныхъ естества. Согласившись на это, онъ спросилъ царя о дѣйствованіи и воляхъ, какъ ихъ нужно исповѣдывать, во Христѣ—двойственными или едиными? Поэтому царь, встревоженный новостью вопроса, такъ какъ, дѣйствительно, его еще не возбуждали въ наши дни, пишетъ объ этомъ (письмо) Мартину, папѣ Римскому, равно и Сергію, епископу Константинопольскому. И папа отвѣтилъ ему согласно преданію Св. Отцевъ, говоря, что гдѣ познаются двѣ природы, созданная и вмѣстѣ не-созданная, тамъ безусловно необходимо, чтобы онѣ имѣли двѣ естественныя ихъ особенности: именно—двѣ воли и два дѣйствованія, потому что у кого воля и дѣйствованіе одно, у того, конечно, и природа оказывается одна, а не двѣ. Эту именно мысль заключало въ себѣ письмо Мартина.

Сергія же Константинопольскій, такъ какъ, по общепринятому мнѣнію, онъ былъ родомъ Сиріанинъ и потомокъ Яковитовъ, далъ отвѣтъ Ираклію въ противоположномъ Мартину смыслѣ, исповѣдавъ одно естественное хотѣніе (волю) и одно дѣйствованіе во Христѣ. Итакъ, царь, получивъ письма отъ обоихъ, склонился болѣе на сторону мнѣнія Сергія, каковое и Аѳанасій, какъ извѣстный коварный чловѣкъ, радостно принималъ съ распростертыми руками, потому что гдѣ сказано объ одномъ дѣйствованіи, тамъ естественно предполагается и одна природа. Затѣмъ папа (патріархъ) Киръ посылается въ Александрію, и самъ также устраиваетъ тамъ чрезъ Теодора Фаранита ту „воляную унію“ (*ὁμοουσιῆ... ἐνωσιν*) или лучше одно пустое дѣло (*κένωσιν*), [для которой] тотъ и другой написали тамъ объ естественномъ во Христѣ дѣйствованіи. И такъ какъ они послѣ этого всецѣло послѣдовали (этому заблужденію) во вредъ Антіохійцамъ и Александрійцамъ, то великое поношеніе понесъ Халкидонскій соборъ и вселенская Церковь. Ибо единомышленники Іакова въ Сиріи и ученики Θεодосія въ Александріи хвастались, говоря, что не мы-де вступили въ общеніе съ Халкидонскимъ соборомъ, но скорѣе Халкидонскій соборъ съ нами, исповѣдавъ чрезъ одно дѣйствованіе одно естество во Христѣ.

Услышавъ объ этомъ, Ираклій устыдился, но не пожелалъ оставить собственнаго мнѣнія, а съ другой стороны—не выносилъ и упрека. Тогда именно, задумавъ сдѣлать нѣчто важное, онъ издаетъ такъ называемый *эдиктъ*, содержащій

(въ себѣ повелѣніе), чтобы не исповѣдывать во Христѣ ни одного, ни двухъ дѣйствованій. Прочитавъ этотъ эдиктъ, единомысленники Севера стали поносить вселенскую Церковь въ харчевняхъ и баняхъ, говоря: послѣдователи Несторія, Халкидоняне, сперва было образумились, обратившись къ истинѣ и соединившись съ нами въ вѣрѣ въ единое естество Христа чрезъ (исповѣданіе) одного дѣйствованія (въ Немъ), а теперь, отвергнувъ то, что было правильно установлено, они погубили и то и другое, не исповѣдуя во Христѣ ни одного, ни двухъ дѣйствованій.

Слыша и видя это, Мартинъ, предстоятель Римской церкви, и не вынося такого позора и поношенія Церкви, составилъ въ Римѣ соборъ изъ большинства святыхъ епископовъ, открыто исповѣдавъ на немъ, на основаніи свидѣтельствъ Св. Отцовъ, два нераздѣльных во Христѣ свойства, т. е. божеское и чело-вѣческое хотѣніе Его и дѣйствование. Послѣ этого скончался Ираклій, Мартинъ подвергся изгнанію со стороны внука Ираклія, и вскорѣ возсталъ пустынный Амаликъ, поражая насъ, народъ христіанскій.

То было первое ужасное и неисправимое пораженіе Римскаго войска: я говорю о кровопролитіи при Габіеѣ, Гермухѣ и Даеэмонѣ, за которымъ послѣдовали плѣнь и сожженіе Палестины, Кесаріи и Іерусалима, потомъ гибель Египта и одно за другимъ—плѣненія и непоправимыя опустошенія областей Средиземья, острововъ и всей Римской земли. Но и тогда не пришли въ чувство Римскіе начальники и властители, но пославъ за главными дѣятелями на Римскомъ соборѣ, они употребили противъ нихъ отрѣзываніе языка и отсѣченіе рукъ. Что же? За это намъ послѣдовало отъ Бога возмездіе: почти совершенная гибель въ Финикіи Римскаго войска и похода и при нашествіи (непріятеля) снова опустошеніе всѣхъ христіанскихъ странъ и народовъ, которое не прекратилось до тѣхъ поръ, пока гонитель Мартина не погибъ отъ меча въ Сициліи. Сынъ же его благочестивый Константинъ чрезъ вселенскій соборъ объединилъ святая Церкви, согласно (ученію) Св. Отцовъ исповѣдавъ во Христѣ Господѣ нашемъ божеское и вмѣстѣ чело-вѣческое хотѣніе (волю) и дѣйствование. Этотъ священный соборъ, принятый Богомъ, какъ жертва благопріятная и какъ ениміамъ Аарона, отсрочилъ погибель нашего народа на двадцать лѣтъ, мечъ.

враговъ обратилъ противъ нихъ же самихъ, страны успокоилъ, море сдѣлалъ удобнымъ для плаванія, воспрепятствоваль плѣненіямъ и всей Римской (имперіи) дароваль покой, отдохновеніе и долгій миръ. Но всего этого не уразумѣли и не поняли легкомысленные, ходя во тьмѣ, и въ корчмахъ и баняхъ, предъ дѣвицами и любовницами понося насъ и говоря, что учащіе о двухъ хотѣніяхъ (воляхъ) во Христѣ, признаютъ, конечно, одно—доброе, а другое злое, одно—божеское, а другое — дѣвольское. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно вообще говорить, по ихъ словамъ, о человѣческомъ хотѣніи во Христѣ, когда Апостоль говоритъ, что „хотѣніе плоти (мудрованіе плотское) не покоряется закону Божію“ и: „хотѣніе плоти—вражда на Бога“ (Римл. 8, 7), и: „бѣхомъ иногда и мы непокоривы, творяще хотѣнія плоти“ (Перифр. Тит. 3, 3); „хотѣніе бо плоти (мудрованіе бо плотское) смерть“ (Римл. 8, 6)?

Эти и подобныя рѣчи изрыгають противъ насъ враги истины, какъ псы, кони или мулы, у которыхъ нѣтъ разума, клевета на насъ, какъ будто мы признаемъ во Христѣ два лица и двѣ ипостаси, и двѣ именно раздѣльныхъ, и двѣ противоположныхъ свободы (*ἐξουσία*) и отрицаемъ наименованіе Богородица, и учимъ, что все въ Немъ двойственно и раздѣльно, проповѣдуя два дѣйствованія въ Немъ—доброе и злое. Этими пустыми рѣчами и клеветами они повредили народамъ, раздѣлили церкви, возмутили страны, оскорбили вѣру, развѣдывили священниковъ, привели въ заблужденіе монаховъ, запятнали начальниковъ и все потрясли: всякій городъ, всякую деревню, всякую епархію, воздвигнувъ гоненія, оскорбленія, розыски, притѣсненія, изгнанія, штрафы, какихъ даже аріане не воздвигали противъ Церкви. Они питають къ намъ такую ненависть, какой не питають ни къ іудеямъ, ни къ самарянамъ, ни къ манихеямъ, ни къ еллинамъ, ни къ отступникамъ. Они предпочитаютъ для себя жить и обращаться съ идолопоклонниками, чѣмъ съ нами, признающими во Христѣ нераздѣльно два свойства. Они считаютъ за лучшее молиться вмѣстѣ съ іудеями, чѣмъ съ нами, исповѣдующими во Христѣ нераздѣльно божеское и человѣческое хотѣніе (волю) и дѣйствованіе, не желая, скорѣе же не въ состояніи будучи различить, что такое есть божеская и несозданная воля и что такое есть богозданная

и богодарованная воля нашей разумной души, чрезъ каковую волю образуется добрая и богоугодная воля, и—наоборотъ— что есть плотская, т. е. дѣвольская и вещественная воля, которую божественный Апостоль и всѣ (св.) Писанія порицають и отвергають.

Что грѣхъ Павелъ часто называетъ плотью, послушай его (самого), когда онъ говоритъ, что „плоть и кровь Царствія Божія не наследуютъ (наследити не могутъ)“ (1 Кор. 15, 50), и: „сущи во плоти Богу угодили не могутъ“ (Римл. 8, 8), и: „сѣяй въ плоть отъ плоти пожнетъ истлѣніе“ (Гал. 6, 8), и: „аще по плоти живете, имате умерети“ (Римл. 8, 13). Плотію онъ называетъ грѣхъ, а не природу нашей плоти. Ибо иначе окажется, что онъ оскорбляетъ Христа, говорящаго: „Осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща“ (Лук. 24, 39). Итакъ, плотская воля (хотѣніе) чужда и несвойственна Христу, какъ опредѣлили Св. Отцы, и плотское, страстное, грѣховное дѣйствованіе, но не то, которое свойственно природѣ, не богозданное, не то, которое по образу и подобію Божію — непорочное и неукоризненное естественное хотѣніе и дѣйствованіе.

Но тѣ, которые поистинѣ находятся подъ воздѣйствіемъ дѣвольскаго дѣйствованія, неистовые на разженіе и распаленіе плоти, поработанные плотскимъ хотѣніемъ, сквернящіяся и оскверняемые, не будучи въ состояніи различить, что есть привнесенная и злая воля и противоестественное дѣйствованіе, и что такое богонасажденная и богодарованная, естественная воля души, способная мыслить и желать, и что такое опять ея жизненное и связанное съ тѣломъ дѣйствованіе, какъ истинные ученики Манента, порицають волю богозданнаго естества человѣческаго, порочать, какъ манихеи, богозданную нашу плоть, оскорбляютъ животворящее, богодарованное наше дѣйствованіе, поносятъ наше разумное богодарованное желаніе, чрезъ которое, стремясь къ божественному, мы достигаемъ спасенія,—всѣмъ своимъ ученіемъ [такимъ образомъ] укоряя Творца.

Если бы врожденная воля души была злою, то какъ бы Давидъ могъ сказать: „Волею моею исповѣмся Богу“ (Пс. 27, 7). Въ самомъ дѣлѣ, какъ вообще душа могла бы желать чего-либо божественнаго, если бы не имѣла разумнаго желанія?

Или какъ бы она могла помыслить (*νοήσει*) о чемъ-либо лучшемъ и духовномъ (*τι . . . νοερω̄ν*) или проявить (то) въ дѣятельности, не имѣя умнаго дѣйствованія (*ἐνεργεῖαν νοεράν*), чрезъ каковыя два свойства ясно отображается въ ней образъ и подобіе Божіе? Для того вѣдь только нами и написаны предшествующія слова объ образѣ ¹⁾, чтобы показать, что въ человѣкѣ, какъ-бы въ нѣкоторомъ подобіи и образѣ, находится не только предызображеніе двухъ во Христвъ сущностей, но и предназначеніе, какъ бы въ нѣкоторомъ неясномъ образѣ, двухъ неукоризненныхъ воли и дѣйствованій. Въ самомъ дѣлѣ, почитать отца и матеръ, и любить братьевъ и родственниковъ свойственно человѣческой природѣ и есть (проявленіе) естественной и неукоризненной воли души. Оставить же и отречься ради Бога отъ отца и матери, и братьевъ поистинѣ есть достойное похвалы (проявленіе) божественной и сверхъестественной воли. Вотъ двѣ неукоризненныхъ воли: одна—согласная съ естествомъ, человѣческая, другая же—сверхъестественная, божественная.

Итакъ, когда ты видишь Иисуса подчиняющимся и служащимъ, какъ говоритъ Лука (Лук. 2, 51), Иосифу и Своей Матери, подбѣгающимъ и обнимающимъ, какъ дитя, руки и святое лоно Ея, безъ колебанія скажи, что Онъ дѣлаетъ это по волѣ и расположенію, (врожденнымъ) нашей природѣ, показывая чрезъ это, что Онъ является совершеннымъ (человѣкомъ) и единосущнымъ намъ по человѣчеству во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного только грѣха, какъ говоритъ Павелъ. Когда же, напротивъ, Онъ говоритъ Матери: „Что Мнѣ и Тебѣ, Жено?“ (Іоанн. 2, 4) и: „Кто есть Отецъ Мой или Мати (Моя), аще не творяи волю Пославшаго Мя?“ (Перифр. Мѡ. 12, 46—49), то здѣсь Онъ научаетъ насъ божественной и сверхъестественной волѣ. Ибо ради насъ Онъ все содѣлалъ и совершилъ, Самъ будучи совершеннымъ и всесовершеннымъ во всемъ, всегда пребывая въ полнотѣ; другое же наиболѣе точное положеніе говоритъ, что чрезъ мыслящую, совѣщающуюся и размышляющую волю разумной души во образѣ раба Христосъ исполнилъ послушаніе и

¹⁾ Отсюда и изъ дальнѣйшаго положенія ясно, что предшествующій отрывокъ объ образѣ принадлежитъ тому же автору, т. е. Анастасію Синаиту.

волю Отца, заповѣдь, предписаніе и законъ. Съ другой стороны, чрезъ живую и животворящую, богодарованную, духовную энергію (дѣйствование) ея, т.-е. души, Богъ—Слово содержалъ, животворилъ и возвращалъ собственное тѣло согласно нормѣ и закону, данному Имъ разумной душѣ, дабы она животворила, содержала, возвращала и двигала тѣлесную природу. Отсюда не по чему-либо другому она и душою (*ψυχή*) называется, какъ отъ слова „дуть“ (*ψύχειν*), т.-е. животворить тѣло. Поэтому и „издыхать“ (*ἀποψύχειν*), значить „умирать“, равно какъ — наоборотъ — „вздыхать“ (*ἀναψύχειν*) значить „жить“.

Подобно тому, какъ мы показали уже образъ двоякой природы Христа и (двоякой) также воли въ происшедшемъ отъ Него, по Его образу и подобію составленномъ (изъ двухъ природъ) человѣкѣ; такъ опять же, какъ-бы въ нѣкоторомъ образѣ и символѣ, въ человѣкѣ—говорю—усматривается и нѣкоторое двойное отображеніе дѣйствования во образъ и символъ (дѣйствованій) Христа ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Божество Его, будучи дѣятельно, дѣйствовало и богомужно (*θεοανδρικῶς*), и (только) божески (*θεϊκῶς*) на небѣ, прежде воспріятія тѣла, какъ непредѣльное и неограниченное тѣломъ; такъ точно и душа, будучи по образу и подобію невидимаго Бога—Слова, дѣйствуетъ, съ одной стороны, душемужно (*ψυχαανδρικῶς*), т.-е. душевно-тѣлесно, во образъ богомужно-дѣйствующаго Христа. Съ другой стороны, въ весьма многихъ случаяхъ она дѣйствуетъ и душевно только, безъ содѣйствія еѣ со стороны ея обиталища—тѣла, во образъ невидимаго Бога—Слова, много невидимо совершившаго и совершающаго на небѣ и на землѣ, чрезъ неограниченное Его и всемірное божественное дѣйствование. Такъ, любовь къ Богу осуществляется чрезъ одно только душевное дѣйствование, не нуждаясь для этого въ содѣйствіи тѣла; подобнымъ образомъ и вѣра есть показатель одной только психической энергіи; точно также и надежда совершается одною только психической энергіей; равно какъ и смиренномудріе дѣйствуется и поддерживается чрезъ энергію души. И вообще говоря, всѣ необходимыя [для спасенія] духовныя добродѣтели, корень, мать и основаніе которыхъ есть чистота сердца, совер-

¹⁾ Ср. въ первомъ отрывкѣ стр. 384—385.

шаются при помощи одной только духовной энергіи нашей разумной души, не нуждаясь для своего выполненія въ тѣлѣ. Поэтому и увѣчные, и больные, и неподвижные тѣломъ чрезъ эти добродѣтели посредствомъ душевнаго дѣйствованія могутъ благоугодить Богу. Двойственность нашей энергіи въ особенности обнаруживается у насъ во снѣ. Ибо въ то время, какъ тѣлесныя чувства какъ-бы замираютъ и почти бездѣйствуютъ, духовная и разумная энергія души обходитъ все неусыпно и неумолчно. Иначе—какимъ образомъ, отдѣлившись отъ тѣла во время смерти, разумная душа продолжаетъ существовать, какъ не чрезъ свою духовную, жизненную и вѣчно живую энергію?

Въ особенности же души праведныхъ какъ нынѣ восхваляютъ Бога? какою энергіею онѣ воспринимаютъ отъ Него озареніе? какъ молятся за міръ? Вѣдь каждая [часть чело-вѣка] ¹⁾ соотвѣтственно своей природѣ имѣетъ и свойства. Такъ, тѣло, созданное изъ инертной, мертвой, неподвижной, безчувственной земли, во время смерти дѣлается мертвымъ и бездушнымъ, безчувственнымъ и неподвижнымъ, и совершенно бездѣятельнымъ, согласно божественному изреченію, сказанному Адаму относительно тѣла: „Земля еси, и въ землю, яко земля, отыдеши, изъ неяже созданъ еси“ (Перифр. Быт. 13, 19). Душа же произошла не изъ земли, и не изъ воздуха, не изъ воды, не изъ огня, не изъ свѣта, не отъ солнца, не изъ облака и не изъ другой какой-нибудь субстанціи или тварной сущности, видимой или умопостигаемой, но изъ самой пречистой, вѣчной, непостижимой, неизъяснимой, невидимой, безобразной, безсмертной, нетлѣнной, неосязаемой, непреходящей и безтѣлесной природы Бога получила твореніе и происхожденіе, чрезъ оное божественное вдунувеніе, наша богообразная, богодарованная, богоподобная и богозданная душа, происшедши какъ-бы изъ нѣкоего источника жизни живой и животворящей, будучи сотворена свѣтомъ, какъ-бы изъ сокровищницы свѣта, ишедши чрезъ уста Божіи и родившись какъ-бы изъ нѣкоего океана вѣчнаго аромата, какъ вѣяніе благоуханія, и вселившись въ Адамъ. Осмѣлюсь сказать, что наша разумно-словесная душа передана намъ отъ Творца всего Бога—Слова, будучи вдунута въ насъ изъ (Его) пречистыхъ устъ, внѣдрена въ наше сердце изъ Божія сердца,

¹⁾ Т. е. душа и тѣло.

одушевлена въ насъ изъ Божіей души, одарена въ насъ умомъ изъ ума Божія. Поэтому, какъ происшедшая и рожденная отъ Самого неподвижнаго Бога чрезъ уста (Его) и божественное вдуновеніе, она пребываетъ присноподвижной и одна только изъ всей твари является по образу и подобию Божію, и (такъ ¹⁾) называется, какъ отображающая въ себѣ по благодати свойства божественной природы, разумью — непостижимость, невидимость, безтѣлесность, безобразность, чистоту, безсмертіе, вѣчность, нетлѣнность, самовластіе, безгрѣшность, животворность, мудрость, духовность, творчество.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ Богъ изъ земли сотворилъ человѣка, такъ и человѣкъ отъ жены по благодати творить человѣка; и какъ при первоначальномъ твореніи человѣкъ имѣлъ тѣло изъ земли, душу же рожденную отъ Самого Бога, такъ и теперь тѣло образуется изъ женской плоти (*уѣс*) и крови, душа же неизреченно передается чрезъ сѣмя, какъ-бы чрезъ какое вдуновеніе. Поэтому о твореніи ангеловъ, Херувимовъ и Серафимовъ сказано: „Той, т.-е. Богъ, рече, и быша, Той повелѣ, и создашася“ (Псал. 32, 9), о твореніи же человѣка, являющагося по образу и подобию Божію,—не такъ, но тѣло его образовалъ Богъ Своими собственными и божественными руками, душу же, какъ невидимую, отъ совершенно невидимой души Своей Онъ произвелъ чрезъ вдуновеніе и, какъ думаетъ Григорій, создалъ изъ Себя Самого, а не вложилъ ее въ насъ изъ того, что внѣ Его.

Итакъ, если душа произошла изъ устъ и дыханія Божія, то не изъ дыханія-ли Божія произошли вмѣстѣ и всѣ существенныя свойства души, т.-е. мышленіе, умъ, воля, дѣйствованіе и способность животворить, съ уничтоженіемъ которыхъ не можетъ существовать и быть познаваема разумная душа? Ибо подобно тому какъ тѣло составляется и слагается изъ стихій, такъ и душа чрезъ собственныя ея свойства и особенности составляется и познается и, какъ разумно-словесная, отличается отъ безсловесныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, только по уму, мышленію или совѣщанію и волѣ человѣкъ отличается отъ безсловесныхъ; почти во всемъ же прочемъ, и въ особенности въ тѣлесныхъ свойствахъ, онъ является причастнымъ, подобнымъ и единосущнымъ безсло-

1) Т. е. образомъ Божіимъ.

веснымъ. Ибо и они имѣють бытіе изъ этой же самой земли, откуда произошло и наше тѣло, имѣють гнѣвъ, движеніе и душу неразумную (безсловесную) и безвольную, имѣють жизнь, голосъ, дыханіе, плоть, кровь, влагу и кости и все, что есть въ нашемъ тѣлѣ; они имѣють и память, какъ сказалъ Богъ Іову, имѣють аппетитъ, голосъ и жажду, усталость и потъ, и всѣ наши тѣлесныя свойства; не имѣють же только происшедшихъ отъ Бога способностей нашей безсмертной души: разумной, мыслительной и совѣщательной.

Теперь посмотри со мной на слѣпоту и заблужденіе еретиковъ. Все прирожденное безсловеснымъ они безъ исключенія признають во Христѣ, именно—тѣло, матерію, тлѣніе, влагу, кровь, слезы, слюну, кости, калъ, мочу, голодь, жажду, утомленіе, потъ, смерть, омертвѣніе, что по природѣ въ дѣйствительности чуждо и недостойно Бога, какъ свойственное скотамъ, звѣрямъ и пресмыкающимся. Свойства же разумной и безсмертной души, которыя суть по образу и подобію Божію, происшедшія изъ пречистыхъ Его устъ и имѣющія, такъ сказать, нѣкоторое сродство по благодати и подобіе съ Богомъ,—все это, чрезъ что вся наша человѣческая природа оживотворяется и спасается, нечестивцы отказываются исповѣдывать во Христѣ, какъ зло. Въдѣ съ отнятіемъ жизненной и животворящей энергіи (дѣйствования) нашей души, когда тѣло отдѣляется отъ содержащей и оживотворяющей его душевной энергіи, человѣкъ тотчасъ подвергается смерти. Когда же—наоборотъ—разумная душа наша лишается желательной и вождѣвательной ея силы, тогда она ничѣмъ не отличается отъ безсловесной и неразумной души коня.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ душа могла-бы благоугодить Богу, какъ не черезъ желательную и дѣятельную ея силу и движеніе? Какъ она могла-бы исполнить волю Божію, какъ не чрезъ свою врожденную и естественную волю? Эту послѣднюю мы часто находимъ въ Писаніи подъ разными именами, именно—она называется доброю волею (*ἀγαθὴ θέλημα*), сильнымъ желаніемъ (*ἐπιθυμία*), любовью (*ἀγάπη*), сильнымъ влеченіемъ (*ἔρως*). Если нужно—мы не замедлимъ и краткія свидѣтельства привести. Итакъ, говорится, что „волю (*θέλημα*) боящихся Его сотворить (Господь)“ (Пс. 144, 19); „въ законѣ Господни воля (блаженнаго мужа)“ (Пс. 1, 2); „имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сиче

желаетъ (*ἐπιποθεῖ*) душа моя къ Тебѣ, Боже“ (Пс. 41, 2); „желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни“; „возжелалъ спасенія Твоего, Господи“ (Пс. 17, 2). Относительно же любви (*περὶ δὲ ἀγάπης*): „Возлюблю (*ἀγαπήσω*) Тя, Господи, крѣпосте моя“ (Пс. 17, 2); „возлюбихъ, яко услышитъ Господь“ (Пс. 114, 1); „коль возлюбихъ законъ Твой, Господи“ (Второз. 6, 5); „возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всея души твоя“ (Мф. 22, 37). Итакъ, какъ можетъ возлюбить Господа душа, не имѣя въ себѣ самой, въ своемъ существѣ, естественной и доброй силы, волящей (*θελητικὴν*), желающей (*ἐπιθυμητικὴν*), любящей (*ἀγαπητικὴν*) и влекущей (*ἐρωτικὴν*)? Имѣя ее, Игнатій говорилъ, что „моя любовь (*ἔρως*) распята“. Не имѣющіе такового сильнаго влеченія (*ἔρωτα*) и любви (*ἀγάπην*) къ Богу, желанія (*λόθρον*) и вождельнія (*ἐπιθυμίαν*) и волевого стремленія къ Богу (*θελητικὴν ὄρεξιν*), тѣ, имѣя дьявольскую волю и исполняя хотѣнія своей плоти, отказываются исповѣдывать во Христѣ, какъ злую, благодарованную, богозданную, богоподобную волю нашей разумной и богообразной души, и ея животворящее и связующее, Богомъ вдохнутое дѣйствованіе, безъ которой разумная и благодарованная, происшедшая изъ устъ Божіихъ чрезъ божественное вдуновеніе душа наша не можетъ ни пожелать, ни совершить ни одной изъ божественныхъ заповѣдей. Если же наша разумная душа лишена доброй и богоподражательной воли и дѣйствованія, то какъ Богъ говорить людямъ: „Аще хотите и послушаете Мене, благая земли снѣдетъ“ (Исаія, 1, 19)? Какимъ образомъ душа будетъ творить волю Божію, если не имѣетъ желательной и дѣятельной силы? Какимъ образомъ Адамъ, лишь только произошелъ, приставленъ былъ къ дѣланію и храненію Владычняго повелѣнія?

Но человѣкъ извратилъ (свою) природу и всѣ, конечно, человѣческія свойства,—скажутъ вопреки намъ еретики, и въ виду этого недостойно и чуждо [истинѣ] признавать во Христѣ человѣческую волю или человѣческое дѣйствованіе. Никакъ нѣтъ. Ибо не всецѣло извращенъ по естеству, т. е. измѣнился изъ нетлѣнія въ тлѣніе Адамъ; только тѣло, какъ происшедшее и образованное изъ земли и превратной природы, потерпѣло это превращеніе изъ нетлѣнія и безсмертія, сдѣлавшись чрезъ преступленіе тлѣннымъ и смертнымъ. Такъ именно

„впавшій въ разбойники“, будучи, какъ говоритъ Евангеліе, полумертвымъ отъ ихъ ударовъ, не былъ однако совсѣмъ мертвымъ. Ибо душа, какъ созданная изъ безсмертнаго и непреложнаго существа Бога, чрезъ вдуновеніе, хотя и преступила заповѣдь древа, однако осталась въ своемъ нетлѣннѣи и безсмертїи по образу и подобїю Божїю, не имѣя нужды въ существенномъ преобразованїи, какъ тѣло, но въ одномъ только мысленномъ исправленїи и согласованїи, не въ отнятїи воли, дабы она не сдѣлалась безсловесною, и не въ уничтоженїи энергїи (дѣйствованїя), дабы она не сдѣлалась мертвою и недѣятельною, какъ существа неодушевленные.

Итакъ, пришедши для обновленїя Адама, Богъ-Слово такую создалъ Себѣ душу, какою первоначально изъ Самого Себя чрезъ вдуновеніе даровалъ Адаму, т. е. сущую по образу Его—Бога-Слова и по подобїю, какъ говоритъ Писанїе, всецѣло являющуюся по Его образу: по Его подобїю имѣющую бытїе, по Его образу—волю, по Его образу—отпечатлѣвающую (въ себѣ) энергїю (дѣйствованїе), чистую, непорочную, неизреченную, безгрѣшную, не нуждающуюся въ существенномъ преобразованїи, какъ тѣло и все свойственное тѣлу, не нуждающуюся въ измѣненїи и воссозданїи собственныхъ частей и членовъ, не имѣющую такой воли, которая требовала бы совершеннаго удаленїя, и такой энергїи, которая требовала бы упраздненїя. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ бы требовала существеннаго преобразованїя душа, происшедшая отъ Бога и пребывающая въ образѣ и подобїи Божїемъ, въ особенноти же душа пренепорочнаго Бога-Слова?

Ибо душа Адама получила бытїе отъ Бога чрезъ вдуновенїе; душа же Эммануила получила существованїе въ Богѣ, съ Богомъ и за одно съ Богомъ (*ὁμοθεον*), образовавшись ипостасно (*καθ' ἑλοστας*) вмѣстѣ съ тѣломъ въ пренепорочной и богопрїемной утробѣ отъ Него, чрезъ Него, съ Нимъ и въ Немъ, такъ что, если бы не дерзостно было сказать, я сказалъ бы, что какъ древле Богъ-Слово изъ Себя Самого неизреченно произвелъ и создалъ сущность разумной души, такъ и изъ дѣвственныхъ ложествъ въ Себя же Самого вселилъ (ее). И какое, наконецъ, порицанїе можетъ имѣть сущность, изначала отъ Бога пришедшая къ созданїю, и нынѣ въ Самомъ Богѣ вселившаяся, и съ Богомъ пребывающая, и имѣющая честнѣйшую природу и энергїю, чѣмъ

тогда, когда ея силы и свойства были отдѣлены отъ Бога, нынѣ же, въ силу ипостаснаго соединенія, соединенныя съ Богомъ, и какъ бы богоподобныя и собожественныя? Если это такъ, то поистинѣ—скажу опять—достойно большого смѣха безразсудство еретиковъ, такъ какъ страсти, свойственныя скотоподобному естеству превратной плоти, они признаютъ во Христѣ, свойства же души, сущей по образу Его, по существу неизмѣнныя, отказываются признавать въ Немъ.

А дабы не показалось, что мы разсуждаемъ на основаніи собственныхъ соображеній и измышленій, мы съ Божіею помощію приведемъ доказательства отъ Писанія.

Заключенный въ темницѣ божественный Іоаннъ Предтеча, духовными очами провидя, что, будучи умерщвленъ Иродомъ, онъ имѣетъ отыти во адъ, пославъ двухъ изъ учениковъ своихъ, спросилъ Христа словами: „Ты ли еси грядый“, т. е. нисходящій во адъ, „или иного чаемъ“ (Мѡ. 11, 3). Посему и Петръ въ соборномъ посланіи говоритъ о Христѣ, что Онъ „сошедъ проповѣда сущимъ въ темницѣ духовомъ, противльшимся иногда“ (1 Петр. 3, 19), каковое сошествіе Самъ Господь предвозвѣщаетъ Іову, говоря: „Пришелъ ли еси на источники моря? въ слѣдахъ же бездны ходилъ ли еси? отверзаются же ли тебѣ страхомъ врата смертная? вратницы же адовы, видѣвше тя, убояшася ли?“ (Іов. 38, 16—17). Итакъ, какимъ образомъ произошло это сошествіе Христа во адъ, пребываніе (въ немъ) и проповѣдь? Бога никто никогда не видѣлъ, и не можетъ видѣть, опять же и всесвятое тѣло Христа послѣ Его смерти лежало во гробѣ на поверхности земли. Какимъ же образомъ адъ былъ расхищенъ? Какой образъ видя, привратники ада пришли въ ужасъ? Кто посѣтилъ отъ вѣка связанныя души умершихъ? Совершенно очевидно, что пренепорочная душа Владыки Иисуса Христа Бога посѣтила единосущныя ей разумныя души. Она сошла къ нимъ съ Божествомъ. Она расхитила узидище. Она связала тирана и разрѣшила узниковъ, воззвавъ къ сущимъ во узахъ: „изыдите“, какъ бы заступая мѣсто совершеннаго человѣка, состоящаго изъ души и тѣла, проповѣдая во адѣ, повелѣвая и расхищая разумно, какъ разумная, съ участіемъ воли и дѣйствованія, созерцая, какъ умная—умныхъ, какъ душа—души, какъ разумная—разумныхъ, какъ

живая—живыхъ, какъ безсмертная—безсмертныхъ, какъ дѣятельная—дѣятельныхъ, какъ волящая—волящихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ онѣ могли бы принять проповѣдь святой души, какъ не чрезъ разумно-мыслящую ихъ волю? Ибо не принужденно и не недобровольно онѣ увѣровали и спаслись, и не безъ выбора, но добровольно, по рѣшенію воли и дѣйствіемъ одобренія.

Сказанное мною подтверждаетъ богоносный Григорій Богословъ, такъ приблизительно говоря о сошествіи Христа во адъ въ словѣ на святую Пасху: „Если Христосъ восходитъ на крестъ, взойди и ты съ Нимъ; если Онъ нисходитъ во адъ, и ты низойди. Познай тамошнія тайнства, двоякое сошествіе; всѣхъ безъ исключенія, явившись (во адъ), спасаетъ Онъ, или и тамъ только вѣрующихъ?“ Именно — не всѣ, говоритъ Григорій, души спасены во адѣ, но только увѣровавшія во Христа по собственному выбору и волѣ. Ибо какимъ образомъ онѣ могли увѣровать, помимо разумной воли и дѣйствования? Какъ живущихъ вверху, на землѣ, во плоти и душѣ, Христосъ посѣтилъ и спасъ чрезъ посредство плоти и души, обновивъ подобное подобнымъ, какъ говоритъ Григорій, явившись людямъ и говоря имъ, какъ видимымъ, посредствомъ видимой природы, такъ и свободныя отъ тѣлъ души посѣтилъ пречистою душею, свободною отъ тѣла.

Если же пречистая душа Господа безвольна, то ясно, что она подчинилась Богу-Слову недобровольно, наподобіе безсловеснаго (существа), какъ пустословить Аполлинарій; если она была безвольна, то весьма ясно, что она сошла во адъ наподобіе какой-то неразумной и несмысленной звѣзды или облака, и чрезъ Божество, какъ бездушный и безсловесный органъ, говорила и проповѣдывала, не имѣя, сообразно естеству души, ни внутренняго слова (*λογος ἐνδιέθετος*), ни мышленія, ни размышленія, ни опредѣленной или исходящей энергіи, ни мѣстнаго передвиженія. И чрезъ какую, наконецъ, энергію она отдѣлилась отъ тѣла, оставивъ его мертвымъ, бездушнымъ, неподвижнымъ и недѣятельнымъ въ движеніи членовъ, сама сохранивъ дѣятельныя проявленія энергіи? Чрезъ какую энергію вышедши изъ темницы ада, она возвратилась въ собственное тѣло? Ибо божественная энергія, какъ неограниченная и всенаполняющая, ни переходитъ съ мѣста на мѣсто, ни перемѣщается изъ страны

въ страну, ни удаляется и потомъ снова на то же мѣсто возвращается. Если бы душа Господня была во адѣ безвольною и недѣятельною, то, безъ сомнѣнія, ей присуще было бы безсловесіе и невѣдѣніе, и въ такомъ случаѣ честнѣе ея окажется душа Самуила, вышедшая изъ ада по нѣкоторому устройенію, говорившая съ Сауломъ и предсказавшая ему на другой день смерть—его самого и его дѣтей, о чемъ злой духъ не зналъ и не могъ предсказать, хотя нѣкоторые и допускають это.

Въ данный моментъ умѣстно привести нижеслѣдующее изреченіе блаженнаго Аванасія о пречистой душѣ Господа, гласящее такимъ образомъ: „Даже и теперь еще не напрасны и не бесполезны размышленія ни о божественномъ Словѣ, ни объ ипостасно соединенной съ Нимъ разумной душѣ; потому что сказать, что она лишена воли и желанія равносильно признанію небытія ея“. Слышали-ль вы, истиннѣ несмысленные и недѣятельные, что не признавать въ разумной душѣ Господа воли и желанія значитъ отрицать бытіе ея сущности?

Итакъ, когда ты услышишь, этого самаго святаго Отца или кого-либо другого изъ Отцовъ, говорящаго, что Христось устранилъ плотскую волю и упразднилъ человѣческія желанія, что Онъ стоялъ внѣ человѣческихъ помысловъ и плотскихъ желаній, отвращался плотского дѣйствованія, то знай достовѣрно, что не ту волю и дѣйствованіе разумной души, которія—по образу и по подобію Его, и произошли изъ пречистыхъ и безтѣлесныхъ устъ Его, Онъ устранилъ, или уничтожилъ, или упразднилъ; иначе окажется, что Онъ Самъ разрушаетъ, истребляетъ и уничтожаетъ то, что рождено отъ Него и произошло отъ Него, какъ злое, несогласное и противорѣчащее Ему. Наконецъ, тогда вина и упрекъ (въ этомъ) падаетъ на Него, какъ сотворившаго вмѣстѣ съ душою злою волю и энергію. Но не такъ; да не будетъ! Итакъ, Христось истребилъ и уничтожилъ дьявольскую волю и сатанинское дѣйствованіе (энергію), которую божественное Писаніе, и божественный Апостоль, и блаженные Отцы часто называютъ плотскою, изъ устъ змія въ челоуѣка вселившеюся,—волю и энергію, которая—по образу и подобію Божію и вдунута въ насъ изъ устъ Божіихъ, потому что только она одна—богодарованная наша воля и энергія есть причина

и содѣтельница всего нашего спасенія. Ибо по свободному изволенію души мы увѣровали въ Бога, свободною волею соблюдаемъ дѣвство, свободною волею предаемся подвигу, ложу и любви, волею любимъ ближняго и, кратко скажу, всѣ духовныя и божественныя созерцанія, озаренія, откровенія и преспѣянія, дѣйствуемая въ насъ отъ Бога, совершаются и происходятъ въ насъ чрезъ нашу разумную волю и энергію души.

О чемъ сказано нами въ предыдущихъ словахъ кратко, о томъ скажемъ теперь болѣе пространно. Итакъ, существуютъ двѣ заповѣди, говорить Господь и Апостоль, въ которыхъ содержится и съ которыми связана всякая заповѣдь и добродѣтель, т. е.: „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и възлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе“ (Мѡ. 22, 37 и 39). Эти двѣ заповѣди относятся и дѣйствуются въ душѣ. Ибо любовь, какъ говоритъ Діонисій, есть объединяющее и связующее (расположеніе) души къ желаемому. Точно также блаженства Господни исполняются чрезъ разумную волю и энергію (дѣйствование) души, ибо изреченіе: „Блажени нищїи духомъ“ (Мѡ. 5, 3) относится къ душевной добродѣтели. Равнымъ образомъ и изреченіе: „Блажени плачущїи“ (Мѡ. 5, 4) исполняется чрезъ общечеловѣческое душевное свойство и волю, такъ же, какъ и: „Блажени кротцїи, блажени чистїи сердцемъ, блажени миротворцы“ (Мѡ. 5, 5, 8—9). Не только это, но и вѣра, надежда, любовь являются душевными добродѣтелями, а не тѣлесными, равно какъ и тѣ, которыя тотъ же Апостоль исчисляетъ, говоря: „Плоды Духа суть: любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе“ и т. д. Онѣ происходятъ въ душѣ чрезъ разумную волю и энергію.

И такъ какъ отрицающіе въ Господѣ составныя свойства нашей природы,—я разумѣю естественную волю души и энергію,—услышавъ (о нихъ), пугаются наподобіе неразумныхъ коней и муловъ, то мы изложимъ это явѣе путемъ какъ бы толкованія и выясненія ихъ силы. Воля разумной души, какъ кратко сказалъ прежде и великій Діонисій, есть „сила мыслительная и желательная (стремящаяся) къ соединенію души съ Богомъ, по существу дарованная ей отъ Бога, посредствомъ которой первый человѣкъ дѣлалъ и хранилъ божественныя повелѣнія, восходя отъ душевнаго

желанія къ дѣятельному исполненію заповѣдей Божіихъ“. Но это—объ Адамѣ. О Христвѣ же Сынѣ (Божіемъ) сказано, что Онъ добровольно воспринялъ образъ раба (*μορφῆν δοῦλου*), т. е. существо (*οὐσία*) раба. Итакъ, этотъ образъ во Христвѣ и сущность раба въ какомъ отношеніи является образомъ раба, по какому рабству, служенію и подчиненію? Развѣ по Владычней волѣ и дѣйствованію (энергіи), и образу Бога—Слова, согласно безумію Арія?

Но такъ какъ чрезъ преслушаніе перваго человѣка мы—люди стали грѣшниками, когда Адамъ ослушался заповѣдей Божіихъ, то ради этого Христось чрезъ Свое собственное послушаніе содѣлалъ насъ праведными, во образъ раба исполнивъ тѣ повелѣнія, которыхъ рабъ не соблюлъ изначала. Ибо какъ смерть, которой повиннымъ сдѣлался рабъ, Владыка вкусилъ (*ἐλήρωσεν*) чрезъ смертный образъ раба, послушливъ бывъ до смерти крестной; такъ и преслушаніе закона и воли Божіей, предъ которыми повиннымъ сдѣлался рабъ, во образъ раба изгладилъ и восполнилъ Владыка. Поэтому Онъ и говорилъ: „Снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю (пославшаго Мя) Отца, и да исполню дѣло Его, и сохраню заповѣди Его“ (Іоанн. 6, 38; 4, 34; 12, 49—50). Это соблюденіе заповѣдей Божіихъ и эту волю пославшаго Его Отца въ отношеніи къ какой волѣ, лучше же—посредствомъ какой воли совершилъ Христось, если во образъ раба Онъ совѣмъ не имѣлъ воли разумной души? Ибо въ отношеніи къ Божеству есть одна владычественная и повелѣвающая воля Отца и Сына. Итакъ, какая же воля Христа исполнила божественную волю? Ясно вѣдь, что иная есть повелѣвающая воля, а иная подчиненная и повинующаяся. Слѣдовательно, если Онъ совершилъ служеніе по Божественной волѣ, то—разумѣется—и по Божественной природѣ Онъ былъ рабомъ и слугою, согласно измышленіямъ аریانъ. Сейчасъ я и попытаюсь уяснить это... (*caetera desiderantur*).

Анастасія пресвитера слово о твореніи Божіемъ по образу и по подобію ¹⁾.

(Отрывокъ).

Встрѣтился я съ однимъ толкователемъ, который сказалъ (мнѣ), что однажды, когда онъ занимался изслѣдованіемъ

¹⁾ Переводъ съ греческаго, *ibid.* coll. 1283—1286.

Свящ. Писанія, внезапно случилось, что какъ-бы открылись его духовныя очи, и онъ узрѣлъ во всемъ устроеніи твари и всего въ ней (сокрытаго) начертаніе образа и подобія чело-вѣчества Бога—Слова. Потому Павелъ и говоритъ о Хри-стѣ, что „всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася“ (Колос. 1, 16). Намъ вѣрующимъ мудро и благоразумно вести состязаніе съ еретиками относительно свойствъ Христа, именно—о волѣ и дѣйствованіи (энергіи), прежде всякихъ разсужденій, нужно потребовать отъ нихъ письменнаго изложенія ниже-указанныхъ понятій, такъ какъ на основаніи этихъ послѣд-нихъ легко изобличается ихъ безразсудство. Святые Отцы говорили о двухъ совершенствахъ во Христѣ, т. е. что Онъ совершенъ въ Божествѣ, равно и совершенъ въ чело-вѣче-ствѣ. Посему должно потребовать, чтобы они опредѣленно вы-сказались, если только умѣютъ: что такое есть понятіе истинно единосущнаго? что такое понятіе вполне совер-шеннаго? что такое понятіе разумной души? что такое понятіе неразумной души? И какое понятіе души Христа? И что такое плотская воля? И что такое душа? И что такое божественная воля? И если они въ состояніи будутъ разгра-ничить вышесказанныя понятія на основаніи отеческихъ, а не эллинскихъ писаній, то изобличенныя ими [ихъ поло-женія] падутъ (сами собою). Ибо какъ единосущіе Слова со Отцомъ указываетъ (въ Немъ) на совершеннаго Бога (*ἀνε-λ-λητῆ, Θεόν*), совершенно такимъ же образомъ и единосущіе Его души и тѣла съ нами представляетъ Его совершеннымъ чело-вѣкомъ.

Умоляемъ братій нашихъ о Господѣ съ великою осторож-ностью и осмотрительностью разсуждать съ противниками о дѣйствованіяхъ и воляхъ, и въ особенности съ неуступчивыми. Ибо не во всѣхъ вѣра, какъ говоритъ Павелъ (II Сол. 3, 2). Итакъ, не съ безстыднымъ выраженіемъ лица и дерзкой рѣчью, какъ дѣлаютъ нѣкоторые неразумные, неосмотрительно станемъ кричать о двухъ естественныхъ дѣйствованіяхъ, такомъ-то и такомъ-то, но съ осторожностью, со страхомъ Божіимъ и осмотрительностью. Ибо можно благочестиво утверждать во Христѣ двѣ природы. Равнымъ образомъ можно и право и неправо говорить о воляхъ и дѣйствованіяхъ въ Немъ. Вѣдь и Діодоръ и Несторій признаютъ двѣ природы Христа, но ипостасныхъ. И Феодоръ Антиохіецъ и Арій Александріецъ

признають двѣ воли, но противоположныхъ. И Манесъ персъ признаеть два дѣйствованія, но одно—благаго Бога, а другое—злого существа. Посему я упрощаю, будемъ со всякою осмотрительностью отвѣчать состязующимся, говоря имъ прямо, что если кто признаеть во Христѣ плотскую или мѣрскую волю, или вообще дѣйствованіе, противоборствующее Божеству Его, или волю противорѣчащую Богу—Слову, да будетъ осужденъ. Ибо все, что имѣло образъ раба, подчинялось и руководилось по мановенію и волѣ образа Владыки Бога—Слова. Но чтобы намъ не сдѣлать Его Божественное естество подверженнымъ страстямъ и Слово, какъ раба, подчиненнымъ Отцу, ради этого каждому изъ двухъ естествъ Христа мы нераздѣльно воздаемъ ихъ свойства...

Перевелъ студентъ III курса Валентинъ Металловъ.
